

ИДЕОЛОГИЯ ТРУДА

Ален де Бенуа,

перевод с французского Андрея Игнатъева

Идеология труда, кажется, берет своё начало в Библии. С момента своего творения человек в ней предопределен к деятельности, объектом которой служит природа: «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею» (Бытие 1:28). Бог помещает человека в сад Эдема ut operator, «чтобы возделывать его» (Бытие 2:15). Это место предшествует рассказу о первородном грехе. Итак, труд не является следствием этого греха, как весьма часто утверждают, но только более тяжелые условия, в которых он должен отныне осуществляться: после совершения греха человек будет зарабатывать свой хлеб «в поте лица своего».

Из этой миссии, вверенной человеку «обладать» Землюю проистекает уже неограниченное развертывание в планетарных масштабах сущности современной техники, как кульминация метафизики, устанавливающей между человеком и природой чисто инструментальные отношения. Человек призван трудиться, и этот труд имеет своей задачей преобразование мира. Итак, он представляет разрыв с бытием, власть над миром, превращенным в объект человеческого господства. Точно так же как человек является объектом для бога, Земля становится объектом для человека, который преобразует её, устанавливая свой порядок, т. е. подчиняя её технической рациональности. Одновременно труд приобретает в высшей степени моральную ценность.

Апостол Павел скажет: «Если кто-либо не хочет работать, тот и не ест», в оригинале эта фраза стоит в форме констатации («кто не работает, не ест»), но очень скоро она обретает значение предписания: «кто не работает, не имеет права есть».

Это мировоззрение, которое нам сегодня кажется таким привычным, являет полный разрыв с представлениями, доминированными почти во всех традиционных обществах, где, напротив, именно в отказе от подчинения господству материальной необходимости видели сущность того, что является собственно человеческим. Так, Маршал Сахлинс убедительным образом показал, что «первобытные» общества являются обществами, где очень редко работают дольше, чем три или четыре часа в день, потому что их члены добровольно ограничивают свои потребности и отдают предпочтение «свободному времени» по сравнению с накоплением вещей (1).

У древних европейцев труд презирался именно потому, что он рассматривался как следствие подчинения необходимости. Это презрение к труду обнаруживается как у греков и римлян, так и у фракийцев, лидийцев, персов и индийцев. Наиболее широко распространенное представление гласило, что поскольку все производящееся в хозяйстве является по определению тленным, из этого вытекает, что труд, лежащий в основе хозяйства, не способен представить то, что превосходит простую природность человеческого существования. В особенности в Греции труд воспринимался как занятие рабов, которое как таковое противоположно свободе и, следовательно, гражданскому

состоянию (2). «Афинский бюргер, - замечает на этот счет Ален Кейе, - является гражданином, в отличие от богатых ремесленников. Не потому что он работает, как подумали бы о нем современные люди, но, напротив, потому что он пребывает в праздности, потому что он располагает досугом (Shkolè), что одно и «делает людей по-настоящему людьми» (3). «Невозможно следовать добродетели, ведя жизнь ремесленника», - пишет Аристотель (4).

Было бы неверное видеть в этом обесценивании труда простое отражение иерархического взгляда на общество и следствие «удобства», вызванного наличием рабов. Это обесценивание воплощает в реальность намного более важную идею: идею, что свобода (как впрочем, и равенство не могут пребывать в сфере необходимости, и что подлинная свобода заключается только в освобождении от этой сферы, то есть находится вне хозяйственной жизни. До определенного предела, как объясняет Ханна Арентс, раб работает, не потому что он является рабом, но именно потому, что он занят работой, он и есть раб. «Труд недостойное занятие для гражданина, - добавляет Андре Горц, - не потому что он удел женщин и рабов; совсем напротив, он удел женщин и рабов, потому что «работать означает подчиняться необходимости».

Только тот, кто на манер рабов предпочел свою жизнь свободе и таким образом подтвердил свою рабскую сущность, мог принять эту кабалу. Свободный человек отказывается от подчинения необходимости. Он владеет своим телом, для того чтобы не быть рабом своих потребностей, и если он работает, то это лишь с целью не зависеть от того, чем он не владеет, то есть чтобы обеспечить или укрепить свою независимость». Именно поэтому «сама идея «труженика» была немислима в этом контексте: будучи уделом рабов и ограниченной сферой домашнего хозяйства, «труд», вместо того чтобы придавать «социальную идентичность», определял частное существование и исключал из общественной сферы всех мужчин и женщин, которые были во в него вовлечены (5).

Показательным образом этот антагонизм между режимом необходимости и областью свободы в рамках античного идеала налагается на противопоставление частной сферы и сферы публичной. Именно таким образом для Аристотеля хозяйство относится к сфере «семьи». В собственном смысле хозяйство определяется как набор правил ведения домашнего хозяйства (oikos-nomos), что Аристотель к тому же четко отличает от производства вещей для рыночного обмена. Как таковое, хозяйство противопоставляется публичной сфере, сфере свободы, пользование которой предполагает праздность, необходимо для участия в общественной жизни. Свобода это дело общественное, она не может быть достигнута в частной жизни и благодаря ей.

К тому же, в ту эпоху не существовало никакого общего термина для обозначения труда. Слова, чаще всего использовавшиеся греками (ponos, ergon, poiesis), свидетельствуют о качественно дифференцированной оценке областей человеческой деятельности. Эти области рассматривались с точки зрения их соответствия природе или согласно потребительской стоимости и качеству продукта. В античном мире с его экономикой и техникой, - подчеркивает Жан-Пьер, - труд являлся только в своем конкретном аспекте. Каждая работа определялась применительно к продукту, который она должна была производить (...). Труд не рассматривался с точки зрения производителя как выражение одного и того же творческого усилия, имеющего социальную ценность. Итак, в Древней Греции отсутствовали представления о труде как об обширной сфере человеческой

деятельности, включающей все занятия, но было множество разных занятий, каждое из которых составляло особый вид деятельности, направленной на производство своего собственного продукта» (6).

Такие же настроения обнаруживаются и в Риме. Про ручной труд Сенека пишет, что это «бесчестное занятие, не могущее облечься даже в простую видимость порядочности». Цицерон добавляет, что «жалование это вознаграждение за рабство», что «ничего благородного никогда не произойдет из лавки», что «место свободного человека не в мастерской» (7). В латинском языке проводится отчетливое различие между *labor*, это слово указывает на мучительный и несущий отчуждение труд, и *opus*, творческой деятельностью.

Глагол «трудиться» (*laborare*) часто имеет значение «страдать»: *laborare ex capite* «страдать от головной боли» (8). Напротив, словно *otium* никоим образом не обозначает лень или состояние «ничегонеделания», но скорее деятельность высшего типа, ориентированную на творчество, чье начало представляет отрицание (*neg-otium*, «торговля»). Что касается нынешнего слова «труд», то оно происходит, как известно от *tripalium*, этот термин вначале обозначал инструмент пытки...

С первых веков нашей эры христианство стало прилагать усилия для борьбы с этим презрительным отношением к труду. Иисус и его апостолы сами никогда не занимались физическим трудом (или предполагалось, что они занимались им?). И только в отдаленном будущем их станут почитать как святых покровителей различных профессий. Однако, на протяжении веков будет сохраняться представление, что труд представляет собой только печальную необходимость, а вовсе не нечто, что следует возвышать и превозносить, и что некоторые занятия не совместимы с достоинством свободного человека. Именно в качестве реакции на эту столь глубоко укоренившуюся идею буржуазия, прежде всего начиная с XVII века, будет распространять критику, направленную против «непроизводительного» и, следовательно, «паразитического» образа жизни аристократии.

Андре Горц принадлежит к числу тех, кто наилучшим образом уловил, в каком отношении то, что мы называем сегодня словом «труд» (*labour, Arbeit, lavoro*), обозначало работу крепостных и поденщиков, которые производили потребительские товары, либо оказывали необходимые для жизни услуги, которые нужно оказывать каждый день, никогда не теряя навыков. В противоположность этому ремесленники, изготавливающие предметы длительного пользования, которые можно накапливать и которые их владельцы чаще всего завещали потомству, не «работали», но «творили», и в своем «творчестве» они могли использовать «труд» чернорабочих, призванных выполнять грубую и малоквалифицированную работу. Только поденщикам и чернорабочим оплачивался их «труд»; ремесленники же получали деньги за свое «творчество» в соответствии с тарифами, установленными их профессиональными объединениями, которыми являлись цеха и гильдии. Они строго запрещали любые нововведения и какую-либо форму конкуренции (...). Итак, «материальное производство» в своей совокупности не подчинялось экономической рациональности» (9)

На протяжении долгого времени труд, хотя и реабилитированный, в определенной степени оставался предметом сугубо утилитарных или рыночных соображений. В

особенности, в средние века цех способствовал социальной интеграции. Он являлся, прежде всего, образом жизни, способом бытия в мире, и как таковой, он оставался в зависимости от определенного набора этических норм, превосходящего сугубо материальную сферу, и эти нормы пропитывали всю жизнь общества, где находились рядом и общались люди с совершенно разным образом жизни. У цехов были свои собственные правила, свои традиции. С их деятельностью были связаны праздничные обряды и народные верования, что ограничивало, таким образом, сферу деятельности, вызванную соображениями сугубо хозяйственного плана.

Труд, потраченный на возведение кафедральных соборов, например, совершенно не является трудом, имевшим целью выгоду. Вот что ответил в хорошо известном отрывке Жорж Батай: «Проявление интимной обстановки в церкви (...) соответствует бесцельной растрате труда: с самого начала предназначение здания было лишено физической полезности и эта первая реакция усиливалась благодаря обилию бессмысленных украшений. Дело в том, что возведение церкви не является выгодным вложением имеющегося в распоряжении труда, но является его растратой, разрушением его полезности. Интимная обстановка передается лишь при условии наличия одной вещи: что эта вещь является в сущности противоположностью вещи, противоположностью продукта, товара: бесцельной растратой и жертвой» (10).

Именно на эту форму труда намекает Пегу, когда вспоминает о благоговении перед «хорошо выполненным изделием», о времени, когда за работой пели или в свой труд вкладывали лучшую частицу самого себя, потому что труд становился самореализацией: «Мы знали рабочих, которые жаждали трудиться (...) Труд им был только в радость и он являлся глубоким корнем их существования (...). Они невероятно годились своим трудом. (...) Нужно было, чтобы вещь была не ради заработка (...) не для заказчика или ценителей (...) Это было нужно само по себе (...) Именно этим принципом руководствовались строители соборов...»

Пегу, однако, отвергает кальвинистскую концепцию, в которой труд находит свое оправдание в рамках веры (труд как необходимое подчинение требованиям спасения), как буржуазную, так как он не считает настоящим трудом то, что не доставляет никакого удовольствия. Он не делает из труда высшей цели существования. Выше задачи поддержания жизни он помещает духовную деятельность, которая позволяет личности развиваться. Ему известно, что этнические и культурные ценности выше простого производства вещей. И он был первым, кто признал, что характер труда радикальным образом изменился с тех пор, как труд стал управляться только экономическими законами спроса и предложения, производства и рынка.

Именно во время Реформы, а затем во время появления либеральных теорий «трудоу стоимости» (*valeur-travail*) становится одновременно доминирующей ценностью и ценностью в себе. У Локка собственность основана на труде, а более не на потребностях, это сугубо современный подход, который уже оправдывает неограниченное присвоение. Одновременно, справедливость сама основана на праве собственности, которое выступает как абсолютное, в противоположность традиционному мышлению, связывающим справедливость с отношениями, установленного внутри целого. Собственность якобы восходит к «естественному состоянию» и является плодом индивидуального труда, то есть присвоением индивидом всего, что он забирает у природы и берет из недр земли. Это и

есть рождение «собственнического индивидуализма» (Макферсон).

Не менее основополагающую роль труд играет у Адама Смита. Введение к «Исследованию о природе и причинах богатства народов» открывается такими словами: «Труд, ежегодно выполняемый жителями какой-либо страны, является первоначальной основой, которая представляет для их ежегодного потребления все необходимые вещи и все удобства жизни; и эти вещи всегда являются либо непосредственным продуктом труда, либо приобретаются у других стран за счет этого продукта» (11).

Смит тотчас же добавляет сопутствующую идею, что это богатство («необходимые вещи и удобства жизни»), произведенные трудом, может возрасти благодаря постоянному развитию средств производства. Наконец, он выдвигает идею, что обмен, таким образом, произведенными богатствами, обмен, единственной движущей силой которого является удовлетворение эгоистических интересов, делает возможным оптимальное распределение всех благ, вытекающее из разделения труда.

Итак, стоимость отождествляется, главным образом, с трудом, который составляет некоторым образом его сущность и позволяет ее измерять, подразумевая, что эта стоимость кристаллизуется именно в рыночном обмене.

«Труд, - пишет Адам Смит, - является реальной мерой рыночной стоимости всякого товара» (12). Итак, для Смита, справедливая цена это цена рынка: товар, который обменивается на рынке, продается точно по такой же цене, сколько он стоит («естественная цена»), и его стоимость, выраженная в деньгах, отсылает к труду, который он представляет: «Труд определяет стоимость, не только эту часть цены, которая превращается в ренту, но и ту, которая превращается в прибыль» (13). И еще: «Именно не за золото или деньги, но за труд первоначально покупали все богатства мира; и их стоимость для тех, кто ими владеет, и кто стремится их обменять на новые товары, равна в точности количеству труда, что и делает возможным их продавать и ими распоряжаться» (14). Все мышление Смита покоится на этой связи между обменом и трудом, при этом первый охватывает второй при современных условиях экономической деятельности, но второй образует краеугольный камень для всего здания. Отсюда человек также «естественным» образом коммерсант, как и труженик: «Таким образом, каждый человек живет за счет обмена и становится нечто вроде рыночного существа, и само общество, собственно говоря, является торговым обществом» (15). Как пишет Луи Дюмон, «в итоге всякая вещь является трудом и труд является всякой вещью, так что мы работаем даже тогда, когда мы не работаем и довольствуемся обменом» (16)!

Фактически, у Смита обнаруживается два определения трудовой стоимости. В первом определении, которое подразумевается, стоимость определяется количеством труда, необходимого для производства вещи. Во втором, которое из него выводится и которое также является принципиально важным, стоимость вещи определяется количеством труда, которое можно определить при обмене этой вещи (при этом обмен позволяет некоторым образом «заверить» трудовую стоимость, присущую одному производству). В этих двух случаях мы сталкиваемся с утверждением (или аргументом естественного права), лишенным всякой эмпирической или оперативной ценности. Теория просто сводится к утверждению, что человек является творцом стоимости при помощи своего труда, который делает его хозяином и суверенным преобразователем природы. «Эта

естественная связь отдельного человека с вещами, - замечает Луи Дюмон, - находит свое отражение некоторым образом в эгоистическом обмене между людьми, который, оставаясь заменителем труда, навязывает ему свой закон и позволяет ему развиваться. Как и в случае собственности Локка, превозносится именно отдельный субъект, человек-эгоист, занимающийся обменом также, как и трудом, который стремясь к собственной пользе и прибыли, работает (...) на общее благо, ради увлечения богатства разных стран» (17).

Адам Смит, однако, отклоняется от общей линии своего размышления, когда, начав с этой теории трудовой стоимости, он оправдывает наемный труд и игру капитала. Он утверждает, что рабочий должен делиться прибылью от капитала со своим нанимателем. Между тем, это утверждение кажется, противоречащим тому, что стоимость продукта сводится к количеству труда, необходимого для производства, поскольку это количество произвел только один рабочий. Осознавая эту трудность, Смит пишет: «В таком случае, более не количество труда, в обычных условиях затраченного на приобретение или производство товара, является единственным обстоятельством, в соответствии с которым следует оплачивать количество труда, чтобы этот товар можно будет в обычных условиях купить, заказать или получить при обмене.

Попытка Смита, таким образом, основывается на представлении, что все многообразие видов человеческой деятельности может быть сведено к единой сущности, и именно эта сущность в случае труда позволяет трансформировать разнородное в однородное, качество в количество. Одновременно Смит утверждает, что всякий труд должен быть «производительным», то есть быть направленным на производство полезных товаров, потребление которых позволит, в свою очередь, производить новые товары. Из этого вытекает, что «непроизводительная» деятельность с точки зрения общества является бессмысленной.

Это представление о труде, который якобы даже лежит в основе человеческого существования, обнаруживается у Рикардо, для которого «стоимость товара зависит от относительного количества труда, необходимого для его производства» (20).

Последователи Смита разделяются впоследствии по вопросу о том, чему отдавать приоритет: труду или обмену. Приверженцы неоклассической теории, а именно Вальрас, попытаются отождествить меновую стоимость и потребительскую стоимость, объясняя первую ограничением полезного количества, то есть редкостью. Представление, что стоимость должна быть индексирована на основе одной лишь полезности, на самом деле является неверным: вода более полезна, чем алмаз, но несравненно более дешева; сфера цены и сфера полезности несводимы одна к другой. Либеральные экономисты постараются, поэтому принимать во внимание одновременно полезность и редкость, и маржиналисты будут развивать точку зрения, согласно которой следует оценивать не общее количество товаров, а предельную стоимость, которую имеет последний из них – но они так и «не сумели осуществить синтез полезность-редкость в рамках связного объяснения» (21). Эта теория, в конце концов, сделала неразрешимой проблему перехода стоимости в цену продукции.

Маркс, в свою очередь, принимается за вопрос о стоимости – в котором Прудон увидел «краеугольный камень здания экономической теории» (22) – радикальным образом отделяя теорию стоимости от теории цены. Стоимость у него выступает сущностью

обмена, в то время как цена представляет только внешнюю оболочку. Цена, утверждает он, является только «рыночным наименованием заключенного в товаре труда». (23), что побуждает думать, что подлинная меновая стоимость может не всегда совпадать с ценой. Однако мнение Маркса по этому вопросу менялось на протяжении времени. Вначале Маркс, кажется, считал, как и Адам Смит, что товары обмениваются на рынке в соответствии с их реальной стоимостью: «Товары вполне могут продаваться по цене, которая отклоняется от их стоимости, но это отклонение является нарушением закона обмена. В своем нормальном состоянии обмен товаров является равноценным обменом». Это мнение, заявленное в первом томе «Капитала», где Маркс варьирует реальную цену вокруг стоимости, он корректирует в третьем томе, где он принимает в рассмотрении именно цену продукции (24). По-видимому, Маркс понял, что если бы равноценный обмен был бы «нормальной формой» обмена, следовало бы тогда допустить, что нормы прибыли разнятся по отраслям, в то время как он, напротив, утверждал, что капиталистическая конкуренция склонна их уравнивать.

Как бы там ни было, для Маркса стоимость товара не зависит от обмена, но целиком от труда, необходимого для его производства: естественная «стоимость» товара соответствует количеству труда, вложенного в него. Эта идея, как мы видели, не чужда мышлению Адама Смита, также как, впрочем, и убеждение, что существует связь между разделением труда и возможностью продукта этого труда в форме товара. Однако там, где Смит видел нечто вроде «гармонии» между сферой труда и сферой обмена, Маркс утверждает наличие потенциальной диспропорции, которая при капитализме якобы является общим правилом. Для этого Маркс обращается к понятию «прибавочная стоимость», которую он выводит из противопоставления между потребительской стоимостью и меновой стоимостью.

Различение между потребительской стоимостью и меновой стоимостью. Является очень древним, оно обнаруживается уже у Аристотеля. В 14 веке Буридан писал: «При обмене цена вещей не зависит от их естественной стоимости, но от пользы, которые они нам доставляют, обеспечивая нам, то, что нам не хватает» (25).

Потребительская стоимость эта та, которая принадлежит самой вещи, в то время как меновая стоимость как измеримая величина появляется только при составлении обмениваемых товаров (и в рамках социальной связи, при которой имеет место этот обмен). По мнению Маркса, необходимо различать стоимость, которой обладает вещь для трудящегося, который ее произвел и который ею пользуется, стоимость определенную её качеством, а также её полезностью (26), и стоимость, которую та же самая вещь приобретает для трудящегося при обмене, выражающую количественную связь: «В аспекте потребительской стоимости товары обладают, прежде всего различными качествами, а как средство обмена они могут различаться только количеством и не содержат, итак, на этом основании ни грамма потребительской стоимости» (27) В противоположность многим другим экономистам, Маркс не задается вопросом необходимо ли выводить меновую стоимость из потребительской стоимости, или наоборот. Скорее, он намеревается показать, что их противоположность происходит из абстрактного рассмотрения двух различных сторон феномена стоимости, что две стоимости порождают одна другую в одном и том же акте обмена, но что стоимость как полная категория стоит выше этой антитезы и заставляет ее исчезнуть.

С другой стороны, Маркс ставит вопрос о том, что делает возможным сравнение потребительских стоимостей товаров, то есть об основе, на которой их можно сравнить. Для того чтобы все товары можно было обменивать, - утверждает он, - необходимо, чтобы они обладали вначале качеством или общей характеристикой, благодаря чему их можно связывать с общей единицей измерения, то есть с общим эталоном, по отношению к которому они представляют нечто большее или меньшее. «Это нечто общее, - пишет Маркс, - не может быть каким бы то ни было естественным свойством, геометрическим, физическим, химическим и т.д. товаров. Их естественные качества берутся в рассмотрение лишь настолько, насколько они наделяют их полезностью, которая и придает им потребительскую стоимость. Но, с другой стороны, очевидно, что при обмене товаров их меновую стоимость оставляют без внимания, и что всякой связи обмена присуще это оставление без внимания» (28). Вывод: как уже предчувствовал Адам Смит, единственным общим знаменателем для всех товаров может являться только «социально необходимый» для их производства труд. Меновая стоимость может в таком случае определяться как связь, существующая между товаром и социально необходимым для его производства трудом. В качестве фактора производства только общественный труд создает меновую стоимость: «природные» силы производят только потребительскую стоимость и могут давать место меновой стоимости только ровно настолько, насколько человек их использует в своей трудовой деятельности (29). Другими словами, только труд позволяет потребительской стоимости превращается в меновую стоимость, это превращение лишает товары, участвующие в обмене, их потребительской стоимости: «После того, как потребительская стоимость товаров однажды отодвигается в сторону, у них остается только одно качество, качество быть продуктом труда (...) Нечто общее, что проявляется в связи обмена или в меновой стоимости товаров является, следовательно, их стоимостью; и потребительская стоимость, или какой-либо предмет имеет ценность ровно настолько насколько в ней материализован человеческий труд. (...). Подвергаясь одним и тем же превращениям, будучи продуктами одной и той же трудовой деятельности, все эти вещи показывают только одно – что на их производство была затрачена энергия человеческого труда, что в них заключен человеческий труд. Будучи воплощением этой единой общественной субстанции, они считаются ценными» (30). Как следствие, только труд позволяет измерить меновую стоимость произведенных вещей. Параллельно с их материальным существованием, все товары могут быть сведены к общей абстракции, трудовой стоимости или «неопределенному» труду, общественной субстанции, кристаллизованную форму которой они представляют.

Но если труд составляет меру стоимости, то как возможно измерить труд? Маркс отвечает: «Благодаря quantum содержащейся в нем производящей стоимости» субстанции количество труда имеет «само себя для измерения своей продолжительности во времени» (31). Время, социально необходимое для производства товаров, - уточняет он, - является тем временем, которое требует всякий труд, выполняемый со средней степенью умения и интенсивности и в условиях, которые по отношению к данному социальному окружению, являются нормальными» (32). И заключает: «Нам известна теперь субстанция стоимости: это труд. Нам известна мера этого количества: это продолжительность времени» (33).

Эта теория, однако, сразу столкнулась с классическим возражением, выдвинутым уже Рикардо. Если именно количество труда определяет стоимость, из этого должно следовать, что это стоимость автоматически увеличивается, когда количество труда

больше, и уменьшается, когда оно меньше. Между тем, опыт наглядно показывает, ничего подобного не происходит. Чтобы преодолеть трудность, Маркс выделяет тогда две формы труда: труд конкретный и труд абстрактный. Труд конкретный, «живой» (34) является всегда особым, создающим предметы с определенной потребительской стоимостью, в то время как абстрактный труд, производящий меновую стоимость, соответствует общему высвобождению энергии независимо от её специфического использования для производства данного продукта: «В то время как труд, который создает меновую стоимость, находит свое выражение в равенстве товаров, как общих эквивалентов, труд как полезная и производительная деятельность находит свое выражение в безграничном разнообразии своих потребительских стоимостей. В то время как труд, производящий меновую стоимость, является общим, абстрактным и однородным трудом, труд, создающий потребительскую стоимость, является напротив, трудом конкретным и особым, который соответствии с формой и содержанием разделяется на безграничное разнообразие видов трудовой деятельности» (35). Только конкретный труд соответствует в таком случае постоянному способу человеческого существования, потому что продукты труда всегда обладали (и всегда будут обладать) потребительской стоимостью. Абстрактный труд, со своей стороны, не является прямым следствием трудового процесса. Он проявляется только при обмене той сравнительной оценки стоимости каждой из обмениваемых вещей. Итак, его определение носит выше степени социальный характер и зависит от природы существующей экономической системы. Между тем, - продолжает Маркс, - сам обмен рождается из разделения труда и капитализм характеризует примат меновой стоимости в процессе производства, примат, из-за которого производство становится независимым от действительных потребности людей, и при этом живой труд превращается в «мертвый», который капитал ставит себе на службу, превращая в самоцель потребность меновой стоимости. Итак, положить конец разделению труда, было бы равнозначно положить конец отчуждению обмена и одновременно восстановить ценность конкретного труда.

И как раз тут появляется представление о прибавочной стоимости (Mehrwert). Для Адама Смита прибавочная стоимость формируется тесным образом на рынке в ходе обмена. Для Маркса, который в данном случае выступает последователем Рикардо, она, напротив связана с процессом производства. Обмен, - утверждает он, - вначале не может быть связан с каким либо излишком, только потому что всякий обмен это обмен эквивалентными вещами, но также и прежде всего потому, что распределение заработной платы и прибавочной стоимости лежит в основе распределения благ. Кроме того, так как согласно Марксу капитал как фактор не может производить стоимость, прибавочная стоимость может быть только частью общей стоимости, произведенной трудом. Итак, именно процесс производства, определяет общую сумму произведенной стоимости и благодаря нему происходит распределение между заработной платой и прибылью.

Для того чтобы объяснить, как происходит распределение, Маркс вводит определяющее понятие «рабочая сила», которое он обозначает как совокупность физических и интеллектуальных способностей, которыми обладает человек как живая индивидуальность, и которые он должен привести в движение, чтобы производить полезные вещи» (36). Ошибка Адама Смита, - утверждает он, - заключается в том, что тот не видел разницы между трудом и рабочей силой, отличающейся «от своей функции, труда, точно также как машина отличается от выполняемых ею операций». Между

прочим, то, что капиталист покупает у рабочего, это не столько его труд, сколько его рабочая сила, так, как ему известно, что она создает больше стоимости, чем денежное возмещение, получаемое благодаря ей рабочими. И именно это различие между потребительской стоимостью и меновой стоимостью рабочей силы составляет прибавочную стоимость. Прибыль, соответствующая разнице между продуктом, чьей мерой является эквивалентность «продукт-труд», и заработной платой, эквивалентностью рабочей силы и соответствующего труда (то есть труда, социально необходимого для воспроизводства этой силы), прибавочная стоимость представляет собой, если быть более точным, разницу между эквивалентностью продукта и труда и эквивалентностью рабочей силы и труда, соответствующего этой силе. На самом деле не существует равенства между рабочей силой или трудовой деятельностью, проданной рабочим за вознаграждение со стороны хозяина и продуктом труда или результатом труда, произведенным рабочим в обмен на свою заработную плату и проданным на рынке его хозяином. Так как стоимость рабочей силы только измеряет его затраты на производство, хозяин постарается заплатить за нее как можно точнее, но он будет сам стремиться продать продукт по лучшей цене, то есть извлечь выгоду из рабочей силы сверх оплаченного труда. Разница между ценой, по которой он покупает рабочую силу, и ценой, по которой он продает её результат, и составляет прибавочную стоимость.

Самая простая форма этой прибавочной стоимости («абсолютная прибавочная стоимость») заключается в удлинении продолжительности работы; при этом хозяин заставляет работать за одинаковый заработок, насколько это возможно, то есть не оплачивая должным образом. Разница между продолжительностью рабочего дня и временем работы, требуемым для производства эквивалента того, что необходимо для ежедневного заработка рабочего, составляет «прибавочный труд» (Mehrarbeit), источник прибавочной стоимости (37). Другая форма («относительная прибавочная стоимость») заключается, напротив, в том, что хозяин стремится добиться роста производительности, что позволяет сократить оплачиваемое время работы и, более общим образом, стоимость того, что необходимо для оплаты рабочей силы. Во всех случаях, рабочий производит всегда больше для своего хозяина, чем последнему обходится его труд, и никогда не получает в качестве заработной платы всю стоимость, которую он произвел. Система, которая превращает эту практику в общее правило, и есть капитализм. Именно поэтому Маркс характеризует прибавочную стоимость как «точное выражение степени эксплуатации рабочей силы капиталом или рабочего капиталистом». Капитал стремится, на деле, к максимальному наращиванию рабочей силы, чтобы увеличить количество прибавочной стоимости, постоянно стремясь, насколько это возможно, сократить занятость, чтобы повысить норму этой прибавочной стоимости и увеличить, таким образом, свою норму прибыли по сравнению с конкурентами.

На производстве произведенная стоимость является суммой стоимости постоянного капитала (сырья и амортизации оборудования), переменного капитала (рабочей силы) и прибавочной стоимости, соответствующей неоплачиваемому прибавочному труду. Стоимость, переданная через обмен, вытекает из стоимости труда, к которой добавляется прибавочная стоимость, вложенная в увеличение прибыли капитала, с которой её все-таки не следует смешивать: «Норма прибавочной стоимости является неизвестной и невидимой сущностью, в то время как норма прибыли является феноменом, который лежит на поверхности». Это означает не только, что заработная плата в действительности не

оплачивает труд, являясь только его неполным эквивалентом, потому что прибавочная стоимость вычитается из нее), но и рабочую силу, то есть силу, произведенную человеком благодаря средствам существования, которые он извлекает из своего труда, а также то, что само богатство является следствием не столько труда, сколько систематического присвоения прибавочной стоимости, которое позволяет капиталу накапливаться, забирая в свою пользу часть вознаграждения за труд, которое причитается рабочим. Капиталист богатеет не благодаря своему труду, а благодаря эксплуатации чужого труда.

Таково фундаментальное противоречие между капиталом и трудом: «Труд, субъективная сущность собственности, и при этом лишенный собственности; капитал, объективизированный труд и тем не менее исключаящий труд». Согласно Марксу, человек испытывает отчуждение, лишается плодов своего труда в пропорциональной зависимости от связи (или от разрыва), существующей между прибавочной стоимостью, которую он создал, и заработной платой, которую он получил – интерпретация, которая не может не напомнить «комплекс кастрации», о котором говорит Фрейд (38). Окончательным результатом является распространяющаяся коммерциализация общественной жизни: связи обмена и производства между людьми сами реифицируются, то есть превращаются в объекты или связи объектов.

Именно с этой точки зрения Маркс предлагает две теории, немного отличные от теории стоимости. Согласно первой, которая является наиболее известной и наиболее простой, всякий товар содержит и материализует определенное количество абстрактного труда и, следовательно, его стоимость может измеряться количеством труда, который он воплощает. В таком случае, возникает вопрос, каким образом рабочая сила распределяется по различным сферам производства так, чтобы создать впечатление, что некий «порядок» управляет совокупностью рынка. Согласно второй теории, стоимость рабочей силы является относительной, то есть рассматривается исключительно как связь между товаром и временем труда, социально необходимо для его производства, что позволяет считать стоимость труда также не фактором, способствующим общему равновесию, мнимому и предполагаемому, но, напротив, элементом разрыва с существующей системой. Очевидно, что именно эта вторая, более «современная» теория прежде всего притягивала внимание менее ортодоксальных марксистов (39).

Итак, последний анализ показывает, что только труд составляет стоимость. Труд производит стоимость, но не обладает ей самой, он измеряет стоимость благ, но сам не составляет часть благ, которые можно измерить и которые были измерены (40). Он только лишь феноменальная форма, которую принимает рабочая сила, представляющая её субстрат. В определенной степени труд относится к рабочей силе так, как обслуживание личных капиталов (в духе Вальраса) к этим капиталам. Но что парадоксально, в то время как рабочая сила по определению является более абстрактной, только она составляет товар (предложенный или проданный на рынке труда), чья стоимость, утверждает Маркс еще раз, связана с рабочим временем, необходимым для его производства: «Будучи стоимостью, рабочая сила представляет общественный quantum, реализованный в ней» (41).

Помимо этих отличий, принципиально важным фактом является то, что для Маркса человек определяется, прежде всего, как рабочий и производитель. Если труд для него является мерой стоимости, то дело в том, что он является основой человеческой природы,

и именно поэтому всякое общественное развитие является прежде всего развитием производительных сил. «Для социалиста, - пишет Маркс, - вся так называемая мировая история является ничем иным, как формированием человека посредством человеческого труда» (42). Итак, труд является не следствием данного стечения обстоятельств, связанных, например, с относительной редкостью благ, но необходимостью, отвечающей самой человеческой природе. Пользующийся орудиями и преобразующий мир человек проявляет свою сущность, выражает свою человечность посредством того способа высвобождения энергии, который ему присущ: через труд. Это означает, что для Маркса человек производит не только вещи, но что посредством труда он производит сам себя, что именно сталкиваясь с природой, с материей, он диалектически высвобождает свою собственную природу: «Будучи полезной функцией, производящей потребительскую стоимость, труд является необходимым условием для существования человека, вне зависимости от типа общества, в котором он живет, естественной потребностью, выполняющей посредническую роль при материальном обмене между человеком и природой. Человек выступает здесь по отношению к природе как естественная сила (...). Одновременно с тем, что он действует на внешнюю природу и изменяет ей, он изменяет свою собственную природу и развивает свои дремавшие способности» (43). И напротив, как замечают Бернар Перре и Ги Рустан, «производительный труд, поскольку он прямо сталкивается с условиями и материальностью человеческого существования, подразумевает возможность для каждого индивида быть потенциальным производителем» (44)

Понятие отчуждения, воспринятое Марксом под влиянием Фейербаха, обретает в таком случае всю полноту своего значения: именно потому что человеческая природа заключается в труде, отчуждение от этого труда равнозначно для человека отчуждению от самого себя, от своей сущности. Итак, марксистская антропология основывается по существу на философии труда. Причина человеческого отчуждения состоит в разделении труда, которому коммунистическое общество положит конец, позволяя, таким образом, общественному труду вновь совпасть с личной деятельностью и возвращая одновременно человеку сущность его человечности.

По определенным вопросам Маркс высказывает, бесспорно, более верные суждения, чем классические теоретики. Таков случай, когда он подчеркивает, вопреки Адаму Смиту, что обмен одного товара на другой принципиальным образом отличается от обмена заработной платы, которую платит наниматель, на «живой труд», выполненный рабочим, или еще когда он констатирует, что при капиталистическом способе производства не средства производства находятся на службе у рабочих, а рабочие на службе у средств производства. Маркс также понял в противоположность мнению либералов, что рынок не является «естественной» данностью, но учреждением, связанным с особым социальным строем – и что кроме того, он никоим образом не выражает самопроизвольное уравнивание предложения и спроса, но только в лучшем из случаев уравнивание предложения и платежеспособного спроса, то есть спроса, связанного со способностью купить, что позволяет считать несуществующим спрос тех, кто неплатежеспособен. Но все-таки проблема стоимости остается у него нерешенной.

Сведение рыночной стоимости к трудовой стоимости ставит непреодолимые проблемы, поскольку это сведение равнозначно тому, чтобы пренебречь всяким качественным

аспектом труда. Разделяя веру классиков в возможность придать стоимости количественное измерение (поскольку всякая стоимость поддается измерению, стоимость не существует там, где рациональный счет, не позволяет её измерить) и превращая труд в единую основу при придании количественного измерения, Маркс вынужден считать эту основу как нечто социально однородное, т.е. он основывает постулат о сопоставимости всех видов человеческой деятельности на представлении, что все разнообразие форм труда может быть сведено к «среднему» труду, или у труду в себе. И на самом деле, он не прекращает говорить о «единицах труда», «суммах труда», «массе труда», как если бы речь шла о вещах конкретных и поддающихся сравнению.

Между тем, как уже заметил Артуро Лабриола, «никто до сих пор еще не открыл средство сопоставить труд одного с трудом другого» (45). Другими словами, «труд» является только общим выражением, которое в реальности всегда отсылает к разнородным величинам. «Ошибка, которую сделал Маркс, - добавляет Лабриола, - связана с тем, что он упорно воспринимает труд как количество, как делимую массу, которую можно разделить на фиксированные и определенные части» (46).

Другое возражение, которое марксистской теории трудовой стоимости адресует Георг Зиммель, заключается в том, что существует бесполезный труд (например, труд, вложенный в производство вещи, на которую нет никакого спроса). Очевидно, трудно утверждать, что этот труд, даже будучи затратным, может рассматриваться как элемент стоимости. И, напротив, к какой-либо вещи могут очень стремиться и придавать ей большую ценность, в то время как ее «производство» не потребовало никакого труда (например, если она была обнаружена случайно). На это возражение Маркс, кажется, ответил заранее, заявив, что «никакая вещь не может быть стоимостью, если она не является полезной вещью. Если она бесполезна, который она включает, потрачен бесполезно и, следовательно, не создать стоимости» (47). В одной из своих первых работ, направленной против Прудона, впрочем, он уже писал, что «время необходимое для производства вещи, измеряет в точности ее степень полезности (Nuetzlichkeitsgrad) и определяет её отношение к спросу и, как итог, к сумме общественного богатства». Но тогда все, что Маркс утверждает, с другой стороны, по поводу трудовой стоимости, мгновенно рушится. На самом деле, если под «трудом» следует понимать только исключительно «полезный труд», то стоимость измеряется не количеством труда, вложенного в продукт, а полезностью этого продукта. В конечном счете, стоимость, таким образом, сводится к полезности, точно также как и у либеральных авторов, которые ограничиваются тем, что совмещают полезность и редкость. Если мерой стоимости может служить лишь полезный труд, то также возникает вопрос, каким образом объясняется стоимость редкости (то, что аббат Галиани уже в 1750 году назвал «редкой полезностью»). Короче говоря, как пишет Пьер Ланц, «присоединяя представление о труде к концепции стоимости, критика политической экономии попала в ловушку, которую ей поставила политическая экономия, чьей целью пока и является поиск в труде источника стоимости» (48).

Марксистская теория трудовой стоимости казалась отныне теорией моралиста, который, даже думая, что он занимается «научным» творчеством, в реальности размышляет о сущностях. «На деле, - полагает Андре Пьетр, - кажется, что Маркс намеревался разработать скорее философскую, нежели чем экономическую теорию стоимости. За

изменчивыми явлениями он хотел обнаружить сущность стоимости; за реальностью (капиталистической экономики) идеал (человеческой экономики)» (49). К такому же выводу пришел и Лабриола: «Маркс (...) стремился постичь сущность самой экономики. Была поставлена проблема абсолюта, то есть проблема, которой нет места в позитивистской науке. Его творчество представляет собой удивительную попытку создания экономической метафизики, попытку определить «бытие в себе» экономических отношений» (50).

Если дело обстоит таким образом, теряется всякая возможность измерения прибавочной стоимости. Не имея практического значения, она превращается в простой метафизический термин. «В основе всех утверждений, связанных с принципом прибавочной стоимости, - пишет Лабриола, - лежит лишь эта идея здравого смысла, согласно которой труд якобы обладает способностью производить больше, чем требуют личные способности трудящегося, и дает излишек. Но это утверждение ошибочное или тавтологическое. Оно является ошибочным, если на самом деле хотят сказать, что труд производит сверх удовлетворения потребностей, потому что потребности по природе своей безграничны, а труд, напротив, очень быстро израсходуется, из чего вытекает, что труд постоянно и в любой сфере труд производит меньше, чем требуется. Это утверждение является тавтологией, если хотят сказать что труд производит больше, чем оплачивается, так как в таком случае воображают, что потребности уже высчитаны на основе заработной платы, в то время как, напротив, хотели доказать, что заработная плата высчитывается на основе потребности. Невозможно отыскать третий вариант решения этого логарифма» (51).

Можно, кроме того, поставить вопрос, справедливо ли Маркс утверждает, что рыночный обмен упраздняет потребительскую стоимость, в то время именно как потребительская стоимость, но не как меновая стоимость капитал использует рабочую силу и вознаграждает её предметами потребления, необходимыми для её воспроизводства. На деле, «когда, подобно Марксу, склоняются к теории стоимости, которая диалектически устанавливает связь между потребительской стоимостью и меновой стоимостью, отделяя труд как потребительскую стоимость от рабочей силы, возникает острая проблема эксплуатации, основывающейся на двойной природе рабочей силы как товара и способности труда производить стоимость; но невозможно измерить отношение между рабочей силой как товаром и как способностью производить товар, потому что потребительская стоимость не может быть измерена и представление о ней можно составить только на основании цены товаров, которые она произвела, в то время как именно эту цену должна объяснять идея стоимости. Другими словами, нормы эксплуатации устанавливаются произвольно в идеале, но ничто не подтверждает наличие связи между идеалом и реальной эксплуатацией» (52).

Другая проблема, присущая теории Маркса, связана с местом, которое труд, как предполагается, будет занимать в коммунистическом будущем, чье неизбежное пришествие провозглашает автор «Капитала». Ханна Арендт очень хорошо заметила, что существует противоречие между фундаментальной важностью, которая приписывается труду, и ставящейся целью освободить от него человечество. Если человеческая природа определяется трудом и если коммунистическая революция должна отменить труд, что тогда останется от человека? Если труд является самым человеческим и самым производительным из видов человеческой деятельности, что произойдет, когда после

Революции труд будет отменен в царстве свободы, когда человеку удастся избавиться от него?» (53). Самый логичный ответ на этот вопрос, очевидно, заключается в том, что Маркс никоим образом не намеревался освободить человека от труда, но только от способа производства, который до сих пор превращал труд в несущую отчуждение и отчужденную деятельность. Возникает вопрос, что хотел сказать Маркс, когда он утверждал, что в коммунистическом обществе произойдет упразднение (*Aufhebung*) труда, давая повод к достаточно противоречивым комментариям (54). На самом деле, Маркс ставит под сомнение не только систему капиталистического производства, но и сам принцип разделения труда. Но можно ли упразднить разделение труда, не ликвидировать сам труд? Можно ли, наконец, уничтожить «экономический труд» и продолжать видеть в труде сущность человеческой природы?

Маркс, кажется, сам колебался между несколькими ответами. В «Немецкой идеологии», полемизируя с тезисами Макса Штирнера, он утверждает таким образом, что «речь идет не об освобождении труда, а об его отмене». Напротив, в своей работе «К критике политической экономии», он пишет, что, «когда в своей непосредственной форме труд прекратит быть великим источником богатства, рабочее время прекратит и должно прекратить быть мерой труда, точно также как меновая стоимость прекратит быть мерой потребительской стоимости (...) Так как не будет прибавочного труда, сокращение необходимого рабочего времени сделает возможным свободный расцвет личности». Эти противоречия позволили некоторым комментаторам утверждать, что «молодой Маркс» якобы в действительности предвидел упразднение труда, в то время как «зрелый Маркс» только лишь хотел исчезновения любой формы несущего отчуждения труда (55).

Эта двусмысленность по отношению к труду является у Маркса лишь отражением более глубокой двусмысленности по отношению к капитализму и к процессу отчуждения, который его характеризует. При капиталистическом строе труд выступает источником отчуждения, но он может также быть одновременно источником освобождения, не только потому что любое принуждение, которому он подвергается, вообще порождает желание и устремление положить ему конец, но также и потому что отчуждение само по себе может составить особое средство его собственного низвержения (эта двусмысленность, заметим, не слишком отличается от той, которая присуща представлениям о труде в христианской традиции, в которой он одновременно последствие «наказания» и возможное средство «искупления»). В соответствии со своими историческими взглядами Маркс убежден, что капитализм движется к своему концу. С одной стороны, тенденция к снижению норм прибыли, как предполагается, находит свое выражение в растущем обнищании пролетариата. С другой стороны, из того, как Маркс представляет прибавочную стоимость, вытекает, что чем больше рабочий производит богатств, тем больше он беднеет сам («чем больше он производит товаров, тем быстрее он сам становится товаром»), что, по его мнению, может лишь благоприятствовать зарождению сознания, необходимого для начала революционной деятельности, которая и введёт человечество в «царство свободы». Капитализм сам себе роет могилу по мере того, как он производит больше богатств и благ, так как, делая это, он превращает рабочих в пролетариев, позволяя им таким образом обрести классовое сознание, из которого они будут черпать силы, необходимые для того, чтобы получить контроль над мировым процессом производства. Итак, капиталистическое общество содержит в зародыше условия своего собственного диалектического низвержения, которое должно привести к «коллективной

собственности на средства производства». С этой точки зрения, - замечает Лешек Колановский, - «именно потому что он до предела дегуманизирует рабочий класс, капитализм должен неизбежно закончить революционным взрывом, который в таком случае и станет началом нового общества» (56). Такова «позитивная» сторона отчуждения: чем более капитализм распространяет свое влияние, тем скорее приближается момент, в котором он катастрофическим образом обратится в свою противоположность, при этом деятельность революционеров будет иметь своей целью лишь ускорение этого процесса, вызванного как бы то ни было исторической неизбежностью. Отчуждение само по себе является гарантией своего собственного исчезновения: нужно было, чтобы труд был отчужден в положении, когда капитализм усугубил его отчуждение для того, чтобы рабочий смог обрести уверенность, что однажды он будет свободен.

По сравнению с феодализмом, последние следы которого он стёр, капитализм представляет, по мнению Маркса, несомненный прогресс, поскольку он составляет завершающую «стадию» перехода человечества к коммунизму. Как подчеркивает Бернар Перре, «для Маркса как для теоретика общества своего времени распространение наемного труда по-настоящему составляло прогресс, по причине, и не вопреки тому, что оно было связано с отчуждением (...). Маркс на самом деле обобщает позитивную роль капиталистической экономики, как силы, способствующей общественному развитию» (57). К тому же именно эта позиция объясняет среди прочих, его разрыв с Фердинандом Лассалем, его симпатии к северянам во время Гражданской войны в США или ещё манеру, в которой он в совершенном соответствии с западными этноцентрическими предрассудками он обрушивается на «леность» и отсутствие рвения к труду жителей стран Третьего мира (58).

Неприятно то, что противоположность капитализма у него составляет по определению перевернутый портрет. Фактически, Маркс мечтает о новом обществе, которое сохранило бы положительные стороны капитализма (эффективность, производительность, создание благ и услуг во все возрастающем количестве), положив конец отчуждению, которое до сих пор составляло цену этих положительных сторон. Это общество осуществило бы чудесное примирение личной деятельности и общественного труда, индивидуальных интересов и коллективных на базе производительной деятельности, сделанной автономной. Индивидуальные производители навсегда останутся собственниками своей рабочей силы и станут хозяевами производимого ими продукта. В конце концов, и само государство «отомрёт», точно также как и политика, ставшая бессмысленной в бесклассовом обществе, где лишь будет приниматься в расчет количество конкретного труда, затраченного каждым. Итак, Маркс выступает против капитализма, продолжая оставаться на его почве: он собирается одним махом сохранить его преимущества и устранить недостатки. Как и Смит, он намерен распространить благосостояние на всех людей посредством развития науки. Как и Рикардо, который сводил весь механизм экономики к чисто производительной сфере, он так и продолжал верить, что изобилие является следствием, прежде всего рациональной производительности и что она составляет самоцель (59).

Правда, иногда, а именно в его последних работах, кажется, проскальзывает идея, что свобода заключена не в другой форме экономики, а что она вообще лежит вне экономики.

В третьем томе «Капитала», намекая на сокращение продолжительности рабочего дня, он пишет так: «По правде говоря, царство свободы начинается лишь с момента, когда труд перестает быть вызванным необходимостью и внешними целями, итак, по самой своей природе она находится вне сферы, собственно говоря, материального производства» (60). Но он не развивает эту идею, которая противоречит к тому же большинству из его тезисов. Самое важное, он намеревается освободить труд и изменить способ производства, не задаваясь вопросом, а не следовало бы лучше освободиться от труда и требований, присущих всякому способу производства. Он не видит, что система капиталистического рынка не только вызвала отчуждение труда, но также породила само представление о рабочей силе как основополагающей черте человеческой природы и что она также создала это метафизическое определение человека как производителя, которое тот воспринял на свой счёт. Представления о расточительности, символической трате и благодарности, так как их можно обнаружить, например, у Жоржа Батая, остались ему целиком чуждыми, так как ему не удалось представить другую концепцию труда, отличную от концепции классиков, то есть труда, нацеленного на производство полезных вещей. Наконец, он не понял, что рабочие, ставшие собственниками средств производства, могут быть точно также отчуждены этой собственностью, как они прежде были отчуждены её отсутствием.

Маркс полагает, что ограничения, присущие производству, исчезнут только благодаря тому, что оно не будет подчиняться более логике капитала. «В этом, - констатирует Жан Бодрийяр, - он «помогает уловке капитала, он убеждает людей, что они отчуждены из-за продажи их рабочей силы, зачеркивая, таким образом, намного более радикальную гипотезу, что они могли бы быть рабочей силой, «неотчуждаемой» силой, способной создавать стоимость посредством своего труда» (61).

Наконец, не только Маркс остался в плену основных постулатов классической экономической теории, пусть он и подвергал её разной критике, но и коммунизм, чьим теоретиком он являлся, сам основывался на проекте, относительно которого Луи Дюмон наглядно показал, что он в реальности предполагает методологический индивидуализм (62). Наряду с тем, что он провозглашает общественную природу человека («человеческая сущность природы существует только для общественного человека») и отвергает выдумку приверженцев общественного договора об изолированном индивиде, в которой он справедливо видит представления, свойственные данной исторической обстановке, Маркс делает из трудовой стоимости избранное средство социальной транспарентности, что равнозначно уничтожению всякого посредничества между индивидом и всем обществом. Между тем как раз именно идея, что экономическая деятельность является ключом к пониманию общественных явлений, служит для обоснования либерального индивидуализма. Кроме того, понятие всеобщей пользы строится у него лишь в дополнение к индивидуальной пользе, так что даже его теория классовой борьбы находит свое выражение в рамках индивидуалистических представлений об обществе. Будучи с виду «холистским», учение Маркса, итак, доводит до крайности теоретический индивидуализм основателей политэкономии XVIII столетия, превратившей человечество в простую абстрактную целостность, основанную на современном индивиде, таком типе человека, которого не переставал распространять капитализм. Его «иерархическую теорию», пишет Луи Дюмон, можно свести к двум главным тезисам:

- 1). Индивид первичен по отношению к обществу;

2). Отношения между человеком и природой (трудом) первичны по отношению к отношениям между людьми (частная собственность представляет собой связь с природой, но связь, опосредованную согласием человека)» (63). В бесклассовом обществе, где будет уничтожено разделение труда, будет присутствовать связь индивидов, ставших свободными и одновременно ставших полностью общественными существами. «Индивид празднует здесь свой триумф, он стал обществом для себя самого» (64). С этой точки зрения можно было бы сказать, что Маркс всегда был только «последним из классиков» (65).

Основной утопический компонент мышления Маркса, как отмечает со своей стороны Андре Горц, «заключается в том, что пролетариату в нем суждено осуществить единство реальности, как и единство Разума: индивиды, чуждые всякой корысти, как и не имеющие особой профессии, объединяться повсюду, чтобы сотрудничать на рациональных и добровольных основаниях и вместе построить благодаря этой совместной деятельности мир, который будет целиком принадлежать им [...]. Марксистская утопия, коммунизм, оказывается таким образом законченной формой рационализации: всеобщим триумфом разума и триумфом всеобщего разума; господством посредством науки над природой и отображением в науке этого господства» (66). «Будучи не в состоянии представить другой тип общественного богатства, кроме как основанный на труде и производстве, - заключает Бодрийяр, - марксизм в долгосрочном отношении не представляет реальной альтернативы капитализму (...), потому что ясно, что все перспективы, исходящие из противоречий, присущих способу производства, отчаянно погружают нас в сферу политической экономики» (67).

Манера, в которой нынче слово «труд» прилагается без разбора ко всякой форме деятельности или постоянному занятию, в прямой противоположности идеалу, идущему от Античности, в достаточной мере служит отражением теорий, с которыми мы только что ознакомились. Рабочие, менеджеры, художники, научные работники, интеллектуалы, люди творческих профессий: отныне все они «трудятся». Даже крестьяне превратились в «сельскохозяйственных производителей», что показывает, что их повседневные занятия не обозначают более образ жизни, не похожий ни на какой другой.

Этот вездесущий труд требует, однако, чтобы разгадали его феномен и дали ему точное определение. «Труд в современном значении этого слова, - пишет Андре Горц, - нельзя отождествлять ни с делами, повторяемыми изо дня в день, которые неотделимы от поддержания и воспроизводства жизни каждого человека, ни с тяжелой работой, сколь утомительной она не была, которую индивид выполняет, чтобы осуществить задачу, которая вменена ему и его близким и из чего он извлекает пользу; ни с тем, за что мы беремся по собственной инициативе, не считаясь ни с временем, ни с усилиями, стремясь к цели, обладающей важностью лишь в наших собственных глазах, и что никто другой не смог бы выполнить на нашем месте. Если нам случается говорить о «труде» в отношении этих видов деятельности – «домашнем труде», «художественном труде», «труде» поддержания собственной жизни – то это в смысле, принципиально отличном от того, что имеет труд, который общество превратило в основу своего существования, сделав одновременно основным средством и высшей целью...

Так как главной характерной чертой этой работы – того, которую мы «имеем», «ищем», «предлагаем» - является то, что это деятельность в общественной сфере, востребованная,

определенная и признанная полезной другими и на этом основании оплачивается ими. Именно благодаря оплачиваемому труду (и в особенности труду, оплачиваемому заработной платой) мы принадлежим к общественной сфере, обретаем существование и социальный статус (то есть «профессию»), мы оказываемся включенными в сеть отношений и обмена, в которой мы соизмеряем себя с другими и чувствуем себя в праве взаимно выражать уважение. Именно потому что устанавливаемая обществом и им же вознаграждаемая работа – даже для тех, кто её ищет, к ней готовится или ее не имеет – давно стала самым важным фактором социализации, индустриальное общество считается «обществом трудящихся» и на этом основании отличается от всех предшествовавших ему обществ (68).

Таким образом, - продолжает Андре Горц, - «экономическая рационализация труда не заключается только лишь в том, чтобы сделать до сих пор существовавшие виды производственной деятельности более методичными и лучше приспособленными для их цели. Это была революция, разрушение образа жизни, ценностей, общественных отношений и, по сути своей, изобретение в самом прямом смысле чего-то, что еще никогда не существовало. Производственная деятельность была лишена своего смысла, своих мотиваций и цели, чтобы стать простым средством получения заработка. Она перестала быть частью жизни, чтобы превратиться в средство «зарабатывать на жизнь». Рабочее время и время для жизни оказались разделены; труд, его инструменты, его продукты обрели реальность, отличную от реальности трудящегося и стали зависеть от решений других людей. Удовлетворение от «творчества» в общем и удовольствие от «делания» чего-либо остались в прошлом, и на их место пришли только наслаждения, которые можно купить за деньги [...] Экономическая рационализация труда, итак, взяла верх над античной идеей свободы и экзистенциальной автономии. Она порождает индивида, который, будучи отчужден в своем труде, неизбежно станет таковым и в своем потреблении и, в конце концов, в своих потребностях» (69).

Однажды в одной далекой стране, азиатской или африканской, европейский промышленник, заметив мало рвения к труду у людей, которых он нанял, пришел к мысли удвоить им зарплату, думая что это заставит их работать больше. Тогда он столкнулся с парадоксальным для него результатом, что туземцы решили работать в два раза меньше, потому что этого хватало, чтобы получать столько, сколько они зарабатывали ранее. Точно такое же наблюдение сделал Макс Вебер по поводу труда поденщиков: «Так как выгода поденщиков возрастает с увеличением производительности, чаще всего стремились увеличить сбор урожая, повышая нормы вознаграждения за труд поденщиков. Таким образом, пытались заинтересовать работников, предоставляя им возможность зарабатывать за очень короткое время непривычно много денег. Однако появились трудности особого рода. Повышение норм вознаграждения за труд поденщиков часто имело своим результатом не увеличение, а снижение производительности труда за данный период, так как работник отвечал на повышение заработка сокращением ежедневной производительности [...]. Дополнительный заработок привлекал меньше, чем сокращение свободного времени [...]. Человек «по своей природе» не стремится зарабатывать все больше и больше денег, но он просто хочет жить, как ему привычно, и зарабатывать столько денег, сколько ему необходимо для этого» (70).

Эти забавные истории прекрасно иллюстрируют антагонизм, существующий между двумя

совершенно разными логиками: «этого достаточно» и «все больше и больше». Что любопытно, именно члены самых бедных обществ очень часто полагают самым неожиданным образом, что «достаточно», в то время как жители богатых стран хотят получать «все больше и больше».

С 1850 года в западных странах производительность росла в среднем от 1,5% до 3% в год. Сегодня производится в двадцать раз больше, чем полтора века назад. Стали ли мы в двадцать раз счастливее. Или только в два раза? Когда достигается уровень жизни основной массы людей, намного превосходящий уровень удовлетворения основных потребностей, все общество оказывается, теоретически, по крайней мере, перед выбором: или продолжать движение вперед, увеличивая потребности, будучи охваченным лихорадкой роста производства и потребления, или работать меньше, но наладить более лучшим образом распределение и стремиться к качеству жизни, более чем к постоянному увеличению количества находящихся в распоряжении предметов. «Имея в двадцать пять раз большую производительность в 1990 году, чем в 1830, - пишет Ксавье Патье, - мы могли бы производить себе роскошь работать в двадцать пять раз меньше. Но мы предпочли в двадцать пять раз пригвоздить туеядцев к позорному столбу. Мы сделали полную занятость невозможной, стремясь к одной лишь занятости. Разве не было другого пути?» (71). Был, конечно, но по нему не пошли.

На протяжении тридцати лет ежегодная продолжительность труда на полную ставку уменьшилась на треть, в то время как производительность более чем удвоилась. Эта постоянная тенденция могла бы побудить сделать выбор. Андре Горц так вкратце говорит об альтернативе: «Мы производим все больше богатств за все меньшую продолжительность рабочего времени. Итак, одно из двух: или стремиться распределить необходимый труд между всеми, все более уменьшая его продолжительность, или же построить «двойственное общество», в котором, с одной стороны, будет меньшинство гиперактивных и, с другой, большинство работающих на временных работах, безработных и изгоев».

Совершенно очевидно, что ныне развитие идет преимущественно по второму пути. Чем больше труд носит на себе черты отчуждения, тем меньше от него хотят освободиться. Чем больше само представление об обществе труда оказывается в кризисе, тем более одержимость темой занятости овладевает умами. Таким образом, мы продолжаем испытывать на себе последствия идеологии труда даже в то время, когда начинает сочетаться условия, которые позволили бы от неё освободиться. «В большинстве случаев, - заметил Жорж Фридман, - человек превосходит свой труд». Не следовало бы забывать об этом в нашу эпоху, когда людей, не занятых оплачиваемым трудом, могут, кажется, называть лишь безработными и изгоями.

Примечания

- 1) Age de pierre, âge d'abondance. L'économie des sociétés primitives, Gallimard, 1976.
- 2) На эту тему см., прежде всего, Hannah Arendt, La condition de l'homme moderne, Calmann-Lévy, 1961.
- 3) « Fondements symboliques du revenu de citoyenneté. Pour une création mondiale de revenus

de citoyenneté nationaux », in Transversales.

4) Политика III, 2, 8. Известно также, что одной из причин враждебного отношения к школе софистов (Протагор, Горгий, Продик) было, то что они принимали плату за свое преподавание философии.

5) Métamorphoses du travail. Quête du sens. Critique de la raison économique, Galilée, 1991, pp. 26-28.

6) Mythe et pensée chez les Grecs, Découverte, 1990, p. 296.

7) De Officiis I, 42.

8). Это значение сохранилось во французском в выражении, обозначающем «труд» рожавшей женщины и боли, которые его сопровождают.

9) Op. cit., pp. 28-29.

10) La part maudite. Précédé de : La notion de défense, Minuit, 1990, p. 168.

11) Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations, vol. 1, Flammarion, 1991, p. 65.

12) Ibid., livre I, chap. 5, p. 100.

13) Ibid., livre I, chap. 6, p. 12.

14) Ibid., livre I, chap. 6, p. 120.

15) Ibid., livre I, chap. 4, p. 91.

16) Homo Aequalis. Genèse et épanouissement de l'idéologie économique, Gallimard, 1977, p. 225.

17) Ibid., p. 122.

18) Op. cit., livre I, chap. 6, p. 119.

19) Ibid., livre I, chap. 8, p. 135.

20) Principes de l'économie politique, chap. I.

21) André Piettre, Pensée économique et théories contemporaines, 5e éd., Dalloz, 1970, p. 93. Кроме того, представление о редкости превращают экономические отношения в игру на нулевую сумму (то, чем они не являются), поскольку во вселенной, где все было бы редким, невозможно было бы дать одному, не отобрав у другого. Зиммель замечает, что с точки зрения экономики понятие полезности соответствует спросу, а понятие редкости – предложению. Форстейн Веблен (Théorie de la classe de loisir, Gallimard, 1970) также показывает, что значение вещи не исчерпывается её ценой и полезностью, поскольку эта вещь также является показателем социального статуса. Экономический предмет становится, таким образом, предметом-знаком. См. на эту тему Jean Baudrillard, Le système

des objets, Gallimard, 1968.

22) Contradictions économiques, Paris 1867, II, 59.

23) Le Capital, livre I, in Oeuvres. Economie, vol. 1, Gallimard-Pléiade, 1963.

24). Напомним, что Маркс закончил и опубликовал при своей жизни только первый том «Капитала», содержащий основу его теории стоимости. Три других тома сличили после его смерти Энгельс и Каутский.

25) Questiones in X libros Ethicorum, Paris 1513, I, V, q.16.

26). «Полезность вещи наделяет эту вещь потребительской стоимостью» (Le Capital, I, op. cit.).

27) Ibid.

28) Ibid.

29) Маркс напишет в 1875 году: «Труд не является источником какого-либо богатства. Природа является таким же источником потребительской стоимости (которая и представляет все-таки настоящее богатство!), что и труд, который сам по себе является лишь экстернизацией природной силы, рабочей силы человека» (Critique des programmes de Gotha et d'Erfurt, p.22).

30) Le Capital, livre I, op. cit.

31) Ibid.

32) Ibid.

33). Ibid. Схожую теорию уже ранее выдвигал Томас Ходскин, который в 1825 году в своей работе «Защита труда» написал, что «не существует и не может существовать другого правила для оценки относительной стоимости товаров, кроме как количества труда, затраченного на их производство».

34). Мишель Анри в книге Marx, Gallimard, 1976 убедительным образом показывает, что Маркс разработал свое представление о «живом труде» по аналогии с человеческим телом.

35) Critique de l'économie politique, in Oeuvres I, Gallimard-Pléiade, p. 287.

36) Le Capital, livre I, op. cit.

37) «Хотя и кажется, что не является следствием согласия, выраженного в добровольно подписанном договоре, этот прибавочный труд остается в своей сущности вынужденным трудом. Он находит свое выражение в прибавочном продукте» (Oeuvres.Economie, vol.2, Gallimard-Pléiade, p. 1486).

38). «То, что Фрейд назвал комплексом кастрации, - пишет по этому поводу Эрнст Борнеман, - то есть феномен отделения человека от его способностей, присуще не всем

человеческим обществам, но является физическим отражением отделения рабочей силы человеческого существа от личности того, кто работает, «её превращения в вещь, в объект, которую он продает на рынке». Комплекс кастрации вытекает из «кастрирующей» природы (Маркс) наемного труда (*Psychanalyse de l'argent. Une recherche critique sur les théories psychanalytiques de l'argent*, PUF, 1978, p. 428). Известно, что для Фрейда труд также является основой всей человеческой жизни. «Никакой составной элемент человеческого поведения, за исключением труда, - пишет он, - не привязывает индивида более прочно к социальной реальности».

39). Антонио Негри таким образом смог утверждать, что в современном обществе «первое определение закона стоимости исчерпывает себя и соединяется со вторым определением закона. Но, и это имеет принципиальное значение, в рамках самого соединения закон стоимости оказывается радикально обновленным, окончательно превзойдя структуру и диалектическую реальность определения» («Трудовая стоимость: кризис и проблемы реконструкции в постмодерне», *В Futur antérieur*, 10, 1992, p.32). К этой идее присоединяется убеждение, что эксплуатация в наши дни достигла такого размаха, что диалектическая форма закона стоимости не позволяет даже её измерить.

40). «Труд это сущность и внутренняя мера стоимости, но сам он не обладает никакой стоимостью. В выражении «трудовая стоимость» представление о стоимости полностью исчезает».

41). *Le Capital*, Livre I op.cit., p.719. Чтобы провести различие между трудом и рабочей силой, Маркс иногда обращается к аристотелевским терминам: «потенции» (рабочей силе) и «акту» (труду). Вопреки тому, что он утверждает, рабочую силу нельзя свести к запасу силы, измеримой чисто «физическим» или материальным образом. Для обозначения этой рабочей силы Маркс вначале использовал выражение *Arbeitsvermoege*n, а затем начиная с 1863 года, даты, когда он приступил к редактированию «Капитала», *Arbeitskraft*. Жак Биде полагает, что изменение в терминологии указывает на переход к новой философской категории. Мишель Ваде придерживается противоположного мнения (*Marx penseur du possible*, Mèridiens-Klincksieck 1992 pp. 269-300).

42) *Economie et politique*, 1844, éd. Costes, p. 40.

43) *Le Capital*, livre I, op. cit.

44) *Art. cit.*, p. 127.

45) Karl Marx. *L'économiste, le socialiste*, Marcel Rivière et Cie, 1922, p. 153.

46) *Ibid.*

47) *Le Capital*, livre I, op. cit., p. 568.

48). «Труд: концепт или многомерное понятие?» в *Futur antérieur*, 10, 1992, p. 38.

49) *Marx et le marxisme*, PUF, 1966, p. 49.

50) *Op. cit.*, p. 132.

51) Ibid., p. 160.

52) Pierre Lantz, op. cit., p.40. Жан Бодрийяр полагает со своей стороны, что манера, в которой Маркс проводил разницу между меновой стоимостью и потребительской стоимостью, сама по себе показывает, что ему не удалось избавиться от представления о труде как о производительной деятельности. Исходя из предложения, что потребительская стоимость в учении Маркса является конкретной стоимостью, находящейся вне абстракции потребительской стоимости, он пишет, что она представляет собой только «следствие учения о меновой стоимости, концептом, производимым им и там, где оно находит свое воплощение. Вместо того, чтобы определять область вне границ политической экономии, потребительская стоимость является лишь горизонтом меновой стоимости» (Le miroir de la production ou L'illusion ritique du matérialisme historique, Galilée, 1975 2-e éd.: Poche-LGF, 1994, p.10). И далее: «На деле [...] именно меновая стоимость порождает потребительскую стоимость товаров как их антропологический горизонт, именно меновая стоимость рабочей силы порождает её потребительскую стоимость» (p.16).

53) Hannah Arendt, La crise de la culture, op. cit., p. 36.

54) См. на эту тему Avner Cohen, « Marx — From the Abolition of Labour to the Abolition of the Abolition of Labour », in History of European Ideas, 1993, 4, pp. 485-502.

55) О противоположности между «двумя Марксами» писал, как известно, прежде всего, Луи Альтузер, который не колеблясь говорил о настоящем «эпистемологическом» разрыве, после которого Маркс якобы оставил «гуманистические» взгляды своей молодости. Такой же точки зрения придерживался и Али Раттанси Marx and the Division of Labour, Macmillan, London 1982. Эту противоположность, напротив, релятивизируют приверженцы марксистского «гуманизма», речь идет о Herbert Marcuse (Raison et révolution. Hegel et la naissance de la théorie sociale, Minuit, 1968), Schlomo Avineri (The Social and Political Thought of Karl Marx, Cambridge University Press, Cambridge 1968), Isidor Wallimann (Estrangement. Marx's Conception of Human Nature and the Division of Labor, Greenwood, Westport 1981), Istvan Meszaros, etc. Все эти авторы, за исключением Маркузе, делают акцент на позитивной роли, которую труд якобы может продолжать играть в обществе, освобожденным от капиталистического отчуждения.

56) «Почему нам нужны деньги?» в L'esprit révolutionnaire. Suivi de : Marxisme — utopie et anti-utopie, Complexe, Bruxelles 1978, p. 209.

57) «Политика без экономики? По поводу «метаморфоз труда» Андре Горца» в Esprit, mars-avril 1990, p. 97.

58) В своих статьях об английской колонизации Индии Маркс пишет таким образом, что несмотря на все связанные с ним жестокости, тем не менее оно имело положительные стороны, поскольку оно вырвало из «бездеятельности» и «летаргии» область мира, где «архаичные» общественные структуры поддерживали полное неприятие к труду.

59) Давайте не забывать, - пишет по этому поводу Мишель Эношбер, - что английская классическая в высшей степени либеральная школа во главе с Рикардо считают всю экономическую машину, начиная со священной коровы – производственной сферы –

единственной создательницей стоимости. И марксизм, который воспользовался ссылкой на коммунистический опыт, представляет собой только критическое продолжение этой точки зрения [...] Страны Востока воплощали в крайней форме моралистические утилитарные тенденции западного экономического мышления: экономическую политику, при которой государство должно производить больше и лучше, с целью повысить уровень общего благосостояния» («Победоносная экономика», в *Libération*, 12 февраля 1990 года).

60) *Oeuvres. Economie*, vol. 2, op. cit., p. 1487.

61) Op. cit., p. 17.

62) Op. cit., pp. 145-156.

63) *Ibid.*, p. 183.

64) *Ibid.*, p. 165.

65) См. Michael Herland, «Маркс экономист», в *Lea Cahiers du fédéralisme*, сентябрь 1978, p. 91.

66) Op. cit., pp. 43-45.

67) Op. cit., p. 15.

68) Op. cit., pp. 25-26.

69) *Ibid.*, pp. 36-37.

70) *L'éthique protestante et l'esprit du capitalisme*, Agora-Plon, 1985, pp. 60-61.

71) *Pour en finir avec le travail*, Table ronde, 1992, p. 30.

72) *Le Monde*, 14 avril 1992, p. 2.